

С. А. Максимов

К ПРОБЛЕМЕ КАТЕГОРИИ ИНКЛЮЗИВНОСТИ У МЕСТОИМЕНИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

В предлагаемой работе рассматривается проблема наличия категории инклюзивности у местоимений удмуртского языка. Личное местоимение 1 л. мн. ч. ('мы') может выражаться в нем двумя разными лексемами: *ми* и *асьмеос*. Местоимение *ми* как эксклюзив употребляется тогда, когда слушатель (*ты*) / группа слушателя (*вы*) не включается в группу говорящего (*я*); иными словами, *ми* = *я* + *он/они*. Местоимение *асьмеос* как инклюзив употребляется, когда слушатель / группа слушателя включается в группу говорящего, схематически: *асьмеос* = *я* + *ты/вы*. По-видимому, удмуртский среди языков Европы – единственный, в котором имеется противопоставление местоимений по инклюзивности / эксклюзивности. При этом заметим, что такое противопоставление появилось также в удмуртской идиоме *идиш*.

Ключевые слова: удмуртский язык, местоимения, инклюзивность, инклюзив, эксклюзив, личные местоимения, усилительно-личные местоимения, притяжательные местоимения, удмуртский идиом *идиш*.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-390-402

1. Среди самых своеобразных лексико-семантических групп слов необычность местоимений в первую очередь заключается в неоднозначности лексического значения. Как отмечает О. Н. Селиверстова, «Сложность и “трудноуловимость” их семантики привела к существованию разных концепций местоименного значения. Как известно, местоимения часто рассматривались и рассматриваются как слова, семантически опустошенные, или во всяком случае как слова, значение которых ситуационно изменчиво. Наряду с этим есть работы, в которых раскрывается многокомпонентная структура местоименного значения, свидетельствующая о семантической насыщенности их содержания» [Селиверстова 1988, 3].

Местоимения нашли отражение во всех описательных грамматиках удмуртского языка, начиная с первой научной грамматики [см. напр.: Соч. 1975, 59–64; ГСУЯ 1962, 167–187; Алатырев 2008, 844–849]; а также в работах, посвященных исследованию территориальных диалектов [Тепляшина 1970, 183–207; Карпова 1997, 118–130; и др.], и другого рода публикациях [Тараканов 2001; Кельмаков 2005]. Специальные же работы монографического плана, посвященные местоимениям удмуртского языка, пока отсутствуют. Каждое новое исследование, как правило, дополняет и/или уточняет, или же глубже рассматривает какой-нибудь отдельный аспект местоимений. У разных авторов не всегда совпадают название и количество разрядов местоимений. Так, один и тот же разряд в различных работах называется как «усилительно-личные», «лично-определятельные» и «определятельно-личные» местоимения. Учитывая разнообразие грамматических значений данного разряда, И. В. Тараканов [2001, 152] предлагает именовать их усилительно-лично-возвратными местоимениями.

Речь ведется о разряде следующих местоимений: *ачим* '[я] сам', *ачид* '[ты] сам', *ачиз* '[он/она/оно] сам', *асьмеос* '[мы] сами', *асьтэос* '[вы] сами', *асьсэос* '[они] сами'. В соответствии с русской лингвистической традицией для данной группы местоимений, имеющих семантику 'сам/сами', больше всего подходит название «определятельные местоимения». В отличие от русских местоимений *сам*, *сами*, каждое удмуртское местоимение указывает также на соответствующее лицо, в связи с чем они и называются «лично-определятельные» / «определятельно-личные».

Помимо самостоятельного употребления, приведенные местоимения нередко выступают в речи совместно с личными (собственно личными): *мон ачим* 'я сам', *тон ачид* 'ты сам', *со ачиз* 'он (она/оно) сам', *ми асьмеос* 'мы сами', *тй асьтэос* 'вы сами', *соос асьсэос* 'они сами'. В этом случае усиливается функция соответствующего лица, что дало основание определить их как «усилительно-личные местоимения».

Однако подчеркнем, что во многих косвенных падежах описываемый разряд местоимений приобретает семантику возвратности. Из 9 падежей, в соответствии с которыми они могут изменяться, по нашим рекогносцировочным наблюдениям, названная семантика может проявляться как минимум в 5

падежах. Для примера приведем винительный падеж: *асме* '[я] себя', *астэ* '[ты] себя', *ассэ* '[он/она/оно] себя', *асьмеды* ~ *асьмемыз* '[мы] себя', *асьтэды* ~ *асьтэдыз* '[вы] себя', *асьсэды* ~ *асьсэдыз* '[они] себя'; а также – дательный: *аслым* '[я] себе', *аслыд* '[ты] себе', *асьмелы* '[мы] себе' и т. д.

Среди описываемых выше слов совершенно особое место занимает местоимение *асьмеос*, которое, помимо приведенных выше значений, может выступать в функции инклюзивного личного местоимения со значениями 'мы с тобой' и 'мы с вами'; при этом форма родительного (генитив / генитив-адессив) *асьмелэн* 'у нас с тобой (вами); наш с тобой (с вами)', а также разделительного (аблатив) *асьмелэсь* 'у нас с тобой (вами); наш с тобой (с вами)' падежей могут функционировать как инклюзивные притяжательные местоимения.

Разные взгляды на сущность местоимений в удмуртском языке – не только особенность данной части речи вообще, но и следствие слабой их изученности. Настоящая работа ставит задачу постановки вопроса о наличии (под)категории инклюзивности у местоимений в удмуртском языке. Цель работы – выделить инклюзивные местоимения и описать их в сравнении с соответствующими эксклюзивными парами.

Задача выявить функционирование инклюзивного местоимения поставлена во Втором вопроснике Лингвистического атласа Европы (ЛАЕ)^{1*}, где как пример приведены франц. *nous autres*, включающего собеседника, в противоположность *nous*, исключающего собеседника [ЛАЕ 1981, 77]. К сожалению, членам комиссии ЛАЕ не удалось выявить в удмуртском инклюзива, несмотря на наличие оппозиции *ми* – *асьмеос* (супплетивная форма), что, по-видимому, связано с тем, что в целом в Европейских языках отсутствуют морфологические формы данной категории, а франц. *nous autres* 'мы с другими', как и рус. *мы с тобой / с вами*, является сочетанием лексем. В этом отношении опубликованную пару лет назад статью молодого исследователя Т. В. Пантюхиной [Пантюхина 2017] можно назвать прорывом в данном направлении: в ней описаны эксклюзивное и инклюзивное личные местоимения в удмуртском языке. Наша в соавторстве работа [Maksimov, Panina 2018], вышедшая в свет в прошлом году на английском языке, поставила цель ознакомить зарубежного читателя с наличием инклюзивных / эксклюзивных местоимений в удмуртском языке. Настоящая работа – это переработанный и расширенный вариант указанной статьи, призванный ознакомить отечественных исследователей с особенностями удмуртских местоимений, не имеющими аналога в языках Европы. Содержательно, структурно и концептуально это совершенно новое исследование, в связи с чем актуальность его очевидна.

Для лучшего понимания категории инклюзивности (клюдивности) приведем следующее описание: *инклюдив* (франц. *inclusif* – 'включающий в себя' от лат. *includo* 'включаю') – местоименная форма, выражающая включенность адресата речи в дейктическую сферу местоимения 1-го лица мн. ч. (иногда – двойственного числа). Инклюдив образует субкатегориальное значение в составе категории лица. Буквальное значение инклюдива – 'мы (я) с тобой / с вами'. В грамматической системе инклюдив существует только в оппозиции с *эксклюзивом*; например, в тамильском языке: 1-е л. мн. ч. инклюдивное *nāṁ* – 1-е л. мн. ч. эксклюзивное *uāṁ*. Способы образования форм инклюдива в языках различны (возможны и аффиксация, и супплетивизм) [ЛЭС 1990, 193].

«Инклюдив встречается в языках Центральной и Юго-восточной Азии, Океании, Австралии, Америки и Африки». В языках, где морфологического инклюдива нет, его значение выражается лексически (словосочетанием, напр., в русском языке 'мы с вами' или 'мы с тобой' в отличие от неопределенного 'мы') [Там же; см. об этом также: Плунгян 2011, 232].

2.1. Как сказано выше, в удмуртском языке имеется лексема *асьмеос*, которую, исходя из ее семантических особенностей, можно отнести к инклюзивному личному местоимению 1 л. мн. ч.; т. е. слушатель (*ты*) / группа слушателя (*вы* = *ты* + *он*¹...) включаются в группу говорящего (*я*):

асьмеос 1) = я + ты — рус. **мы** 'мы с тобой'
 2) = я + ты + он¹ (+ он² + он³...) — рус. **мы** 'мы с вами'

^{1*} Лингвистический атлас Европы (ЛАЕ), международное название *Atlas Linguarum Europae* (ALE) — исследовательский проект, посвященный картированию лексических и грамматических черт всех языков, распространенных в Европе. Атлас покрывает территорию 51 страны: от Исландии до России (до Урала) (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/545669>).

Во втором случае группа слушателя – это местоимение *вы* (*вы* = *ты* + *он/они*), следовательно, содержание рассматриваемого местоимения кратко можно обозначить следующим образом: *асьмеос* = *я* + *ты/вы*.

Совершим небольшой лексикографический экскурс:

(1932): *асьмеёс* кр. юж. юж., *асьмес* юж., *асьмеес* ср. юж. ‘мы’;

асьмеёс юж. кр. юж., *ачмеёс* ср., *ачмес* ср., *ачимес* св. ‘мы сами’ [Бор. 1932, 19];

(1983): *асьмеос* мест. лично-опред. ‘мы; мы с тобой; мы с вами’ [УРС 1983, 34];

(1995): *асьмеос* ‘мы [с тобой]^{2*}; мы [с вами]; [мы] сами’; *асьсэос* ‘[они] сами; *асьтэос* [вы] сами’ [КраткСл. 1995, 27];

(2008a): *асьмеос* мест. лично-опред. ‘мы; мы с тобой; мы с вами’ [УРС 2008, 50];

(2008b): *асьмеос* *pron.* 1. *pers.* ‘*me* (*kuulija sisältyu meihin*); мы (*слушающий входит в нашу группу*)’ <...> 2. *refl.* (*ми ук, асьмеос ук*) ‘*me itse*; мы сами’ <...> [UdmSS 2008, 20];

(2012): *асьмеос* мест. 1. личн. ‘мы (с тобой); мы (с вами)’ 2. усил.-личн. ‘(мы) сами’ [Назарова 2012, 273].

Во всех диалектах это местоимение в разных фонетических вариантах функционирует одинаково. Ввиду отсутствия подобного местоимения в русском и европейских языках, *асьмеос* как личное местоимение до последнего момента не было ни выделено, ни описано ни в одной грамматике и ни в одном учебном пособии по удмуртскому языку. Согласно нашим рекомендациям и консультациям оно впервые отражено в пособии по изучению удмуртского языка для венгерских студентов Иштвана Козмача [Козмач 1998]. Значения местоимения *асьмеос* как (собственно) личного и возвратного даны отдельно нами в Удмуртско-финском словаре; соответственно отдельно указаны также инклюзивные значения притяжательных местоимений *асьме* и *асьмелэн* [UdmSS 2008, 20]. По нашей рекомендации собственно личное местоимение *асьмеос* выделено и кратко описано в книге Е. В. Назаровой «Удмурт кыл» – пособия для изучения удмуртского языка [Назарова 2012, 56].

Приведем несколько примеров на употребление исследуемого слова, в частности, *Асьмеос* – *удмуртьёс*. ‘Мы (с вами) – удмурты’, – можно сказать только при обращении к удмуртам. Примеры из письменных источников:

- (1) *Асьмеос* *со-е* *тодыны* *но* *котьку*
 Мы-PRON.PERS.INCL это-ACC.PRON знать-INF и-CONJ всегда-ADV
тод-а-мы *возьыны* *кулэ* [УдмКорп./ Светлый путь 2011, 3 окт.]
 память-INESS-PxPL1 держать-INF должен-ADV.PRED
 ‘Мы [с вами / с тобой] должны это знать и всегда помнить’.
- (2) *Ачимес* *озьы* *ялам* *вашкала* *сямен* *аналскы-са*
 Мы-PRON.PERS.INCL так-ADV всё еще-ADV старый-ADJ на лад-PP лениться-CONV
ул-исько-м [Азьлань. 1925. 17 июля]
 жить-PRES-PL1
 ‘Мы [с вами] так всё еще по старинке пассивно живем’.
- (3) *Трос-эз* *ачмеос* *газет’-я* *Китай-ын* *война*
 Много-PxSG3.EMPH мы-PRON.PERS.INCL газета-ADVE Китай-INE война-ADJ
мынон-эз *тод-исько-м* [Азьлань. 1925. 5 авг.]
 ход-ACC знать-PRES-PL1
 ‘Многие из нас [с вами] (= мы с вами)^{3**} ход войны в Китае по газетам знаем’.
- (4) *Чилийской* *министр-’ес* *аслэмды* (= лит. *асьмеды*. – С. М.) *война-ен*
 Чилийский-ADJ министр-PL мы-ACC.PRON.PERS.INCL война-INSTR
лыкт-о-м *шуыса* *кышкат-о* [Азьлань. 1925. 14 июля]
 прийти-FUT-PL1 что-CONJ пугать, угрожать-PRES.PL3

^{2*} Здесь и далее в квадратных скобках даны фрагменты переводов, отсутствующих в оригинале, но необходимых для точного понимания семантики слов или выражений.

^{3**} В круглых скобках после знака равенства (= ...) даны буквальные переводы слов и выражений.

‘Чилийские министры **нас [с вами]** пугают, что придут с войной’.

- (5) кез. *асмэс-ты* (= лит. *асьмеды*. – С. М.) *со* *толон* *вит'-э*
 Мы-PRON.PERS.INCL-ACC он(а)-PRON.PERS вчера-ADV ждать-PRES.SG3
выл-эм, *туннэ* *кэз-э* *мын-эм* [Карпова 2018, 261]
 быть-PAST.SG3.EVID сегодня-ADV Кез-ILL пойти, поехать-PAST.SG3.EVID
 ‘**Нас [с тобой]** она вчера ждала, оказывается, сегодня в Кез поехала’.

2.2. Рассмотрим лексему **ми** как эксклюзивное личное местоимение 1 л. мн. ч.; слушатель (*ты*) / группа слушателя (*вы* = *ты* + *он*^{A4*} ...) не включается в группу говорящего (*я*):

- ми* = 1) *я* + *он*¹ (+ *он*² + *он*³ ...) ↔^{5**} **ты** — рус. **мы** ‘мы с ним / с ними [но без тебя]’
 = 2) *я* + *он*¹ (+ *он*¹ + *он*³ ...) ↔ **ты** + *он*^A (+ *он*^B + *он*^B ...) — рус. **мы** ‘мы с ними / с ними [но без вас]’.

Для содержания местоимения *ми* релевантно не то, сколько лиц третьего лица входит в группу говорящего, а то, что в эту группу не входят слушатель или группа слушателя. Описываемое местоимение кратко можно выразить следующим образом:

ми = *я* + *он/они*.

Как пример приведем название рекламного буклета об удмуртах, выпущенный этнографом В. Е. Владыкиным для туристов и вообще гостей республики: «*Зечесь-а? Ми – удмуртьёс*» – «Здравствуйте, **мы** – удмурты» (в названии отражено обращение к не-удмуртам).

Примеры из письменных источников:

- (6) **Ми** *одно* *тй-ледлы* *юртт-о-м!*
 Мы-PRON.PERS.EXCL обязательно-ADV вы-PRON.PERS.PL-DAT помочь-FUT-PL1
 [УдмКорп./Удмурт дунне. 2009.12 нояб.]
 ‘Мы обязательно вам поможем’.

- (7) **Милемлы** *туннэ* *шулдыр.* *Тй-ледлы* *но*
 Мы-DAT.PRON.PERS.EXCL сегодня-ADV весело-ADJ.PRED вы-PRON.PERS.PL-DAT тоже-PART
озьы *мед* *лу-о-з* *шуыса,* *мылкыд* *кар-исько-м.*
 так же-ADV пусть-PART быть-FUT-SG3 чтобы-CONJ желание-OBJ делать-PRES-PL1
 [Гавр. 1969, 58]
 ‘**Нам** сегодня весело. Желаем вам, чтобы и у вас так же было [весело]’.

- (8) *ти* **ми** *доры* *ө'* *лы'тэ* *ке, /*
 Вы-PRON.PERS.PL мы-PRON.PERS.EXCL к-PP не-NEG прийти-PAST.PL2 если-CONJ
ми *ти* *доры* *өм* *кэ* *мынэ, /*
 мы-PRON.PERS.EXCL вы-PRON.PERS.PL к-PP не-NEG если-CONJ идти-PAST.PL1
кыт-ис'эн *ук,* *мар-ис'эн* *ук /*
 откуда-EGR же-PART.EMPH с чего-EGR же-PART.EMPH
огаз'ын *но* *ул-о-мы?* [Кельмаков 2015, 52].
 вместе-ADV да-PART.EMPH жить-FUT-PL1
 ‘Если вы к **нам** не будете приходить / Если **мы** к вам не пойдём, / Где же, каким же образом / Нам жить в согласии?’

Интересно отметить, что «тонкое» различие двух местоимений – *ми* и *асьмеос* – уловили носители удмуртского идиома идиш (так называемым *удмуртиш*). Словом *ашмэс* (в транскрипции YIVO – *ashmes*), заимствованным из удмуртских диалектов (< удм. диал. *асьмес*, *ачмес*), они стали называть круг «своих» – носителей идиша (точнее, вышеупомянутого идиома). Также в обиходной речи слово

^{4*} В составе инклюзивных местоимений третье лицо в группе говорящего *он*¹ (+ *он*² + *он*³ ...) совпадает с третьим лицом в группе слушателя, а в составе эксклюзивных местоимений третье лицо в группе говорящего *он*¹ (+ *он*² + *он*³ ...) не совпадает с третьим лицом в группе слушателя *он*^A (+ *он*^B + *он*^B ...), в связи с чем последние обозначены другими символами.

^{5**} Знак (↔) условно означает невключение слушателя / группы слушателя в группу говорящего.

имело более узкое значение – ‘компания людей; личные (близкие) друзья; дружная компания; люди, доверяющие друг другу; ты и я (совокупно)’. У удмуртского заимствования есть диалектный синоним германского происхождения в двух фонетических вариантах – *ихту* (< идиш *их* ‘я’ + *ду* ‘ты’; в транскрипции YIVO – *ikhtu*) в ижевском говоре идиша и *ишту* (в транскрипции YIVO – *ishtu*) в сарапульском и воткинском говорах идиша^{6***}.

2.3. Для лучшего понимания семантического соотношения исследуемых удмуртских личных местоимений русское понятие «мы» разложим на следующие составляющие:

<i>мы</i>	1) = я + ты	‘мы с тобой’	— удм. асьмеос
	2) = я + ты + он ¹ (+ он ² + он ³ ...)	‘мы с вами’	— удм. асьмеос
	3) = я + он	‘мы с ним’	— удм. ми
	4) = я + он ^A + (он ^B + он ^B ...)	‘мы с ними’	— удм. ми

Под влиянием русского языка наблюдается тенденция замещения слова *асьмеос* в функции личного местоимения местоимением *ми* (= *мы* ‘я + другой / другие’). Для примера приведем слова из современной песни: *Ойдо, нылаш ми тонэн пумиськом!* ‘Давай, девушка, **мы с тобой** встретимся!’ – вместо *Ойдо, нылаш асьмеос пумиськом!* С точки зрения традиционного удмуртского образа мышления, парень приглашает девушку не на свидание наедине, а на встречу, на которую он придет, например, со своими друзьями: ...**ми тонэн**... ‘Давай, девушка, **мы** (= я и он / они) **с тобой** встретимся!’

По нашим наблюдениям, которые можно назвать рекогносцировочными, поколение, родившееся после 1973–80 гг., но приблизительно до 1983–90, в своей речи в целом первое местоимение (*асьмеос*) уже не употребляет, но в той или иной степени улавливает его смысл. У самого молодого поколения удмуртов (владеющих удмуртским языком) речь о том, что русское местоимение *мы* может переводиться удмуртским *асьмеос*, вызывает недоумение.

2.4. Местоимение *асьмеос*, как было показано выше, входит также в систему усилительно-личных (определятельно-личных) местоимений, образованных от основы *ась-* / *ач-* ‘сам’, исторически восходящей к реконструируемой финно-угорской праформе **íce* ~ **iše* с первоначальным значением ‘тень; душа-тень’; соответствия имеются и в юкагирском языке [КЭСК 1999, 34; UEW 1986–1991, 79]. Некоторые диалектные формы данного местоимения в косвенных падежах образуются от велярной основы *ас-*, употребляющейся также как самостоятельное слово *ас* ‘свой’. Указанное слово возникло в общепермский период [КЭСК 1999, 34; см. также: Csúcs 2005, 236].

Функция местоимения *асьмеос* как усилительно-личного проявляется в контексте предложения, нередко выступая в паре с личным местоимением *ми* – *ми асьмеос* ‘мы сами’; или с усилительной частицей *ик* – *асьмеос ик* ‘[мы] сами же’:

(9) <i>Малы ке шуоно</i>	ми	асьмеос	ик
Потому что-CONJ	мы-PRON.PERS.EXCL	сами-PRON.PERS.EMPH	же-PART.EMPH
<i>кырза-м,</i>	<i>экт-й-м,</i>	асьмеос	ик <i>удмурт</i>
петь-PAST.PL1	плясать-PAST.PL1	сами-PRON.PERS.EMPH	же-PART.EMPH удмурт-ADJ
<i>калык-лэсь</i>	<i>йылол-ъёс-сэ-с</i>	<i>возьматъя-м.</i>	
народ-AVL	обычай-PL-Px3.ACC-PL	показывать-PAST.PL1	

[УдмКорп./Удмурт дунне. 2010. 7 фев.]

‘Потому что **мы сами же** пели, плясали, **сами же** показывали удмуртские народные обычаи’.

(10) <i>egir</i>	асьмиос	<i>lešt-йl-i-mj</i>
Уголь-OBJ	сами-PRON.PERS.EMPH	делать-ITER-PAST-PL1

(д. Сеп, Игринский р-н) [UdmM 1994, 206]

‘Уголь (древесный) [**мы**] **сами** изготавливали’.

(11) <i>Ачимес</i>	ик	<i>мыдлань</i>	<i>улэм-ен,</i>
Сами-PRON.PERS.EMPH	же-PART.EMPH	неправильный-ADJ	жизнь-INSTR
<i>мыдлань</i>	<i>ужам-ен</i>	<i>кресян</i>	<i>калык-лы син аз-я-зы</i>

^{6***} Информация получена от Алтынцева Алексея Владимировича, аспиранта кафедры экологии и природопользования Института естественных наук УдГУ, уроженца города Ижевска, 1989 года рождения.

неправильный-ADJ работа-INSTR крестьянин-ADJ народ-DAT глаз перед-INESS-Рх.PL3.PP
сыче-ен ачк-ысько-мы [Азылань. 1925. 29 дек.]

такой-INSTR.PRON выглядеть-PRES-PL1

‘Из-за неправильного образа жизни, неправильных методов работы в глазах крестьян **[мы]** **сами же** такими [в негативном свете] выглядим’.

2.5. *асьме, асьмелэн* – инклюзивные притяжательные местоимения, соотносимые с 1 л. мн. ч.; первый из них употребляется, как правило, только в функции определения, второй – также в роли сказуемого. Семантическую структуру схематически изобразим следующим образом:

удм. *асьме, асьмелэн* 1) = мой + **твой** — рус. **наш** ‘наш с тобой’
2) = мой + **твой** + его¹ (+ его² + его³ ...) — рус. **наш** ‘наш с вами’

Коротко можно передать следующей формулой: *асьме(лэн)* = мой + твой / ваш.

Примеры:

- (12) *Со* *удыс-эз* *азинтон-эн-ыз* *асьме* *шаер*
Этот-PRON.DEM область-ACC развитие-INSTR-Рх3 наш-PRON.POSS.INCL край
котькин-лы *тодмо* *лу-и-з, <...>*
каждый-DAT.PRON известный-ADJ.PRED статья-PAST-SG1
[УдмКорп./Удмурт дунне. 2008. 16 марта]
‘Благодаря развитию этой сферы **наш [с вами]** край стал известен каждому’.

- (13) *Вашкала* *ар-’ес-ы* *ачиме* (= лит. *асьме*. – С. М.) *кресян* *куанер*
Древний-ADJ год-PL-ILL наш-PRON.POSS.INCL крестьянин-ADJ бедный-ADJ
калык-ез <...> валэктись *эй* *ке* *вал <...>* [Азылань. 1925. 17 июля]
народ-ACC просвещающий-PCPL не-NEG если-CONJ быть-PAST
‘В давние времена (= в древние года) **наш [с вами]** крестьянский бедный народ <...> некому просвещать если было <...>’.

- (14) *Кыл-тэм* *калык-ъёс* *өвёл,* *нош* *асьмелэн* *анай*
Без языка-ADJ народ-PL нет-NEG а-CONJ наш-PRON.POSS.INCL мать-ADJ
кыл-мы *та* *ви-е* *туж* *кышкыт*
язык-Рх.PL1 этот-PRON момент-ILL очень-ADV опасный-ADJ
югдур-е *сюр-ем-ын: <...>* [УдмКорп./Удмурт дунне. 2012. 7 нояб.]
положение-ILL попасть-PCPL.PAST-INESS
‘Без языка народов не бывает, а **наш [с вами]** родной язык в настоящий момент находится в очень опасном положении’.

- (15) *kema* *tijn-em* *ñules-jos-t'i,* *a* *aśme-len*
Долго-ADV идти-PAST.SG3.EVID лес-PL-PROL а-CONJ мы-PRON.PERS.INCL-GEN
ved' *ñules-jos tatiijn* *ve'zd'e, <...>*
ведь-PART.EMPH лес-PL здесь-ADV везде-ADV (д. Близ-Варыж, Балезинский р-н)
[UdmM 1994, 188]
‘Он долго шел [оказывается] по лесам, а **у нас [с тобой]** ведь леса тут везде, <...>’.

- (16) *Аслам* (= лит. *асьмелэн*. – С. М.) *калык* *йэло-вэйо-ADV* *улыны* *быгат-о-з*
[Азылань. 1925. 29 дек.]
Наш-PRON.POSS.INCL народ с молоком-маслом жить-INF мочь-FUT-SG3
‘**Наш [с вами]** народ сможет жить в достатке’.

В примере 15, собственно, не притяжательное местоимение, а грамматический омоним – форма родительного падежа личного местоимения *асьмеос*. Тем не менее мы включили этот пример как показательный в плане сравнения личного и притяжательного местоимений.

Инклюзивные притяжательные местоимения *асьме, асьмелэн* омонимичны притяжательным местоимениям, образованным от усилительно-личных местоимений первого лица множественного чис-

ла; полная парадигма усилительно-личных и притяжательных местоимений, образованных от первых, выглядит следующим образом:

	усил.-личн.	притяж.	
<i>асьме-ос</i>	‘[мы] сами’	<i>асьме, асьме-лэн</i>	‘свой, свои (наш, наши)’
<i>асьтэ-ос</i>	‘[вы] сами’	<i>асьтэ, асьтэ-лэн</i>	‘свой, свои (ваш, ваши)’
<i>асьсэ-ос</i>	‘[они] сами’	<i>асьсэ, асьсэ-лэн</i>	‘свой, свои (их)’.

Значения местоимений раскрываются в контексте предложения: притяжательные, образованные от усилительно-личных местоимений, нередко выступают в паре с эксклюзивным притяжательным местоимением *милям* (см. описание в пункте 2.6) – *милям асьмелэн* ‘у нас самих’ или с усилительной частицей *ик* – *асьмелэн ик* ‘свой же (наш), [у нас] свой’. Иногда трудно провести грань между притяжательным местоимением и омонимичной ему формой усилительно-личного местоимения в родительном падеже. Примеры:

- (17) *Ми* – *ми* *өвёл,* *милям*
 Мы-PRON.PERS.EXCL мы-PRON.PERS.EXCL.PRED нет-NEG наш-PRON.POSS.EXCL
асьмелэн *уробо-мы* [Гавр. 1974, 9]
 свой-PRON.POSS.EMPH телега-Px1.PL
 ‘Мы – не мы, у нас своя телега [наша]’.
- (18) Озы ке но *асьмелэн* *ик* вань
 Тем не менее-CONJ у нас свой-PRON.POSS.EMPH же-PART.EMPH имеется-PRES
 симфонической оркестр-мы [Митрофанов 2001]
 симфонический-ADJ оркестр-Px1.PL
 ‘Тем не менее у нас свой [же] симфонический оркестр [наш] есть’.

2.6. *милям* – эксклюзивное притяжательное местоимение, соотносимое с личным местоимением *ми*. Семантическую структуру схематически изобразим следующим образом:

- удм. *милям* 1) = мой + **его** — рус. **наш** ‘наш, но не твой’
 2) = мой + **его^A** + **его^B** (+ **его^B...**) — рус. **наш** ‘наш, но не ваш’

Иначе можно выразить в таком виде: *милям* = *мой* + *его* / *их*.

Примеры употребления:

- (19) *Милям* *гинэ,* *милям* *ульча-ос-мы*
 Наш-PRON.POSS.EXCL.PL1 лишь-PART наш-PRON.POSS.EXCL.PL1 улица-PL-Px1.PL
шулдыр-есь (Из народной песни)
 уютный-PL.ADJ.PRED
 ‘Лишь **наши** [но не ваши], **наши** улицы [наши] уютны’.
- (20) *мил’ам* *гурт-ын* *пэрэс’* *Замбай* *выл-эм.*
 Наш-PRON.POSS.EXCL.PL1 деревня-INESS старый-ADJ Зябмай быть-PAST.SG3.EVID
 ‘В нашей деревне был старик [по имени] Зябмай’ [Кельмаков 2015, 162].
- (21) – *Сютэм-гёс-лы* *сюрес* *пытса-сько-ды,* *иське...*
 Голодный-PL-DAT дорога-OBJ закрывать-PRES-PL2 значит-PRNTH
А *милям* *нянь-мы* *вузаны*
 А-CONJ мы-PRON.PERS.GEN.PL1 EXCL. / наш-PRON.POSS.PL1.EXCL хлеб-Px1.PL продавать-INF
но *тырм-о-з,* *тод-йсько-д* *ук* (ТИК/Кенеш/С/11: 61–62)
 даже-PART.EMPH хватать-FUT-SG3 знать-PRES-SG2 же-PART.EMPH
 ‘– Голодным дорогу закрываете, значит... А у нас хлеба [своего = нашего] и на продажу хватит, знаешь же’.

В последней цитате местоимение *милям* в первую очередь – форма генитива от *ми*, в то же время его можно рассматривать и как притяжательное местоимение. В любом случае мы имеет дело с эксклюзивными местоимениями, но не инклюзивными.

3. Выше мы описали инклюзивное местоимение *асьмеос*, показали его семантические и функциональные отличия от эксклюзивного местоимения *ми*, а также от грамматического омонима – усил.-лич. местоимения, от которого произошло описываемое личное местоимение. Также показали, что инклюзивность в удмуртском языке распространяется не только на личные местоимения, но и на притяжательные: *асьме*, *асьмелэн* ‘наш с тобой / с вами’ – *миям* ‘наш, но не твой / ваш’. В вопросе определения инклюзивности (ключивности) как грамматической категории в удмуртском языке мы солидарны с мнением Т. В. Пантюхиной, которая исследуемую оппозицию не относит к грамматическим категориям, т. к. специальные морфологические маркеры для выделения инклюзивности – эксклюзивности отсутствуют [Пантюхина 2017, 248].

В территориальном отношении самый близкий язык, в котором имеются эксклюзивы, – абхазский. В нем есть отдельные формы эксклюзивных местоимений 1-го и 2-го лица множественного числа [Абхазский язык]. Считалось, что эксклюзивное местоимение 2-го л. мн. ч. имеется также в баварском диалекте немецкого языка. Однако более новые исследования не позволяют безоговорочно такое местоимение считать эксклюзивом, так как он связан с категорией вежливости; полагают, что инклюзив 2-го л. мн. числа в абхазском в первую очередь выступает как способ выделения [Simon 2005, 116, 121–124, 136–138].

Относительно происхождения исследуемой категории в удмуртском языке можно выдвинуть предположение о том, что она связана с двойственным числом. Однако существование категории двойственного числа в каком-нибудь языке вовсе не предполагает наличия категории инклюзивности. Так, двойственное число есть у имен и местоимений в родственных удмуртскому обско-угорских языках [Гуя 1976, 280, 290–293, 304, 316–320]. Данная категория сохранилась также в самодийских и саамских языках [Хайду 1985, 236]. Но каких-либо следов инклюзивности в упомянутых языках, кажется, не обнаружено.

Интересно описание А. Е. Кибриком сути концептов «мы» и «вы» в алюторском (чукотско-камчатская семья) языке: «<...> они различают количество нелокуторов^{7*} в составе участников события, т. е. “мы двое”, “вы двое” интерпретируется (и формально обозначается) как множество, в котором представлен один нелокутор, “мы многие”, “вы многие” – как множество, в котором представлено более одного нелокутора. То есть то, что описывается как двойственная форма местоимения “мы/вы”, есть с формальной точки зрения ед. число, а то, что описывается как множественная форма, есть неед. число» [Кибрик 2001, 108]. Хотя в алюторском языке имеется двойственное число местоимений, в нем нет противопоставления эксклюзивных и инклюзивных форм [Там же].

Наличие инклюзивных местоимений, употребляемых преимущественно в языках народов, связанных с традиционными формами ведения хозяйства, может натолкнуть на мысль, что в удмуртском языке описываемое противопоставление – реликт седой старины. Однако отсутствие подобной оппозиции в других языках Европы, в т. ч. в близкородственных коми и коми-пермяцком, вызывает определенное сомнение в данном предположении. Типологические параллели удмуртских усилительно-личных местоимений прослеживаются, например, в структуре соответствующих местоимений близкородственного коми языка и соседнего татарского, ср.:

удм.	коми	тат.
<i>ась-ме-ос</i> ‘мы сами’	<i>ась-н-ым</i>	<i>үз-ебез</i>
сам-Px1.ACC-PL	сам-PL-Px1	сам-Px1.PL
<i>ась-тэ-ос</i> ‘вы сами’	<i>ась-н-ыд</i>	<i>үз-егез</i>
сам-Px2.ACC-PL	сам-PL-Px2	сам-Px2.PL
<i>ась-сэ-ос</i> ‘они сами’	<i>ась-н-ыс</i>	<i>үз-ләр-е</i>
сам-Px3.ACC-PL	сам-PL-Px3	сам-PL-Px3

Однако в последних двух языках усилительно-личное местоимение первого лица множественного числа в функции инклюзивного собственно личного местоимения не употребляется.

Возможно, категория инклюзивности у местоимений сформировалась после проникновения на территорию проживания предков удмуртов болгарских племен (VIII в.) и основания Волжской Булгарии (к X в.) [История Удмуртии 2007, 229–231], и миграции предков коми на север в VIII–IX или

^{7*} *Локутор* – лицо, участник речевого акта. *Первое лицо* (говорящий), *второе лицо* (адресат) – локуторы, участники речевого акта. *Третье лицо* не является участником.

IX–X вв. (В. И. Лыткин), III в. (П. Хайду) [Лыткин 1967, 136; Хайду 1985, 49]. Но если принять во внимание относительно мирное сосуществование болгар и предков удмуртов, данный процесс, скорее всего, произошел позднее – в период от монголо-татарского нашествия на Волжскую Булгарию (1236 г.) и времени основания Казанского ханства (1438 г.) – до взятия Казани Иваном Грозным в 1552 г. [Чуваши 2000, 28, 34; Владыкин, Христолюбова 1991, 32]. В быстро меняющихся условиях, возможно, остро актуализировалась проблема разграничения понятий «свой» и «чужой», что окончательно закрепило функционирование пары местоимений – инклюзивного *асьмеос* ‘мы все свои’ из определительного / усилительного местоимения со значением ‘мы сами же’ и эксклюзивного – *ми* ‘мы без вас, мы – но не вы’ из слова со значением ‘мы’ с неопределенными границами. Соответственно, из личных местоимений развились притяжательные местоимения для разграничения принадлежности – «свое» и «чужое»: *асьмелэн* ‘наше с вами общее’ – *милям* ‘наше, но не ваше’ – *тйляд* ‘ваше [но не наше]’.

Обозначенные выше исторические условия вполне могли послужить фоном для формирования инклюзивности. Однако в разные периоды времени подобная ситуация складывалась у различных групп населения на территории Европы, тем не менее это не привело к возникновению описываемого явления. В связи со сказанным следует сделать предположение о внешнем языковом воздействии на удмуртский, которое исходило от одного из эксклюзивных (имеющих в своей системе инклюзивные местоимения) языков, каковыми, в частности, являются монгольские и тунгусо-маньчжурские. Полагаем, что дальнейшие исследования в данном направлении смогут решить проблему причины и времени возникновения исследуемой оппозиции в удмуртском языке.

СОКРАЩЕНИЯ

диал. – диалектное; кез. – кезский говор северного наречия; кр. юж. – крайне-южное наречие; лат. – латинский язык; л. – лицо; личн. – личное местоимение; личн.-опред. – лично-определяющее местоимение; мест. – местоимение; мн. ч. – множественное число; рус. – русский язык; св. – северное наречие; ср. – срединное наречие; тат. – татарский язык; удм. – удмуртский язык; усил.-личн. – усилительно-личное местоимение; франц. – французский язык; юж. – южное наречие; 1, 2, 3 (в сочетании с SG и PL) – первое, второе, третье лицо; ADJ – Adjective 1) прилагательное 2) адъективная форма существительного; ADV – Adverb наречие; ADVE – Adverbial соответственный падеж; ACC – Accusative винительный падеж; CONJ – Conjunction союз; CONV – Converb деепричастие; DAT – Dative дательный падеж; EGR – Eggressive отдалительный падеж; EMPH – Emphatic усилительное значение; EVID – Evidentiality эвиденциальность, неочевидность; EXCL – Exclusive эксклюзив, эксклюзивное местоимение; FUT – Future будущее время; GEN – Genitive родительный падеж; ILL – Illative входной падеж; INCL – Inclusive инклюзив, инклюзивное местоимение; INE – Inessive местный падеж; INF – Infinitive неопределенная форма глагола; INSTR – Instrumentalis творительный падеж; ITER – Iterative итератив, кратный глагол; NEG – Negative отрицание, отрицательный глагол; OBJ – Object винительный падеж с нулевым окончанием; PART – Particle частица; PAST – Past tense прошедшее время; PCPL – Participle причастие; PERS, pers. – Personal личное; PL – Plural множественное число; PP – Postposition послелог; PRED – 1) предикат 2) предикатив; PRES – Presens настоящее время; PROL – Prolative переходный падеж; PRON, pron. – Pronoun местоимение; POSS – Possessive посессивное; PRNTH – Parenthesis вводное слово; Px – посессивный показатель; refl. – Reflexive – возвратное; SG – Singular единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Абхазский язык [Эл. ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (Дата обращ.: 25.02.2019).
Азылань. Газета. 1 апр. 1925 июнь 1926.
Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. С. 827–864.
Бор. – Борисов Т. К. Удмурт кыллокам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: УДГИЗ, 1932. 374 с.
Владыкин В. Е., Христолюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учебное пособие. Ижевск: Удмуртия, 1991. 160 с.
Гавр. – Гаврилов И. Г. Сузэръёс. Пьесаос. Ижевск: Удмуртия, 1974. 104 с.
ГСUY – Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит.; отв. ред. П. Н. Перевошиков. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 376 с.
Гуя Я. Морфология обско-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 277–332.
История Удмуртии История Удмуртии: С древнейших времен до XV в. / Под. ред. М. Г. Ивановой; УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2007. 304 с.
Карпова Л. (Л.) Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.

- Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: Формирование и современное состояние: дис. ... д. филол. наук. Ижевск, 2018. 490 + [Приложения] (491–562) с.
- Кельмаков В. К. К проблеме морфемного членения удмуртских личных местоимений // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum*, Joshkar-Ola, 15.08-21.08.2005. Joshkar-Ola, 2005. Pars 2. *Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus*. С. 79–81.
- Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 3: Южные говоры 1: Науч. издание. Ижевск: Удмуртия, 2015. 424 с.
- Кибрик А. Е. Аллюторская когнитивная сфера личного дейксиса: морфолого-синтаксическая реконструкция // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: тезисы*, Ижевск, 22–25 мая 2001 г. Ижевск, 2001. С. 107–109.
- Козмач И. Удмурт кыл. Дышетскон книга (= *Udmurt nyelvkönyv*). Сэгед – Кечкемет, 1998. 103 б.
- Крат. Сл. – *Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А.* Краткий удмуртско-русский, русско-удмуртский словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. 360 с.
- КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 386 с.
- ЛАЕ 1981 – Лингвистический атлас Европы. Второй вопросник. М., 1981. 196 с.
- Лыткин В. И.* О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // *Вопросы финно-угорского языкознания*. 1967. Вып. IV. Ижевск: С. 131–142.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Митрофанов В. Я.* Кияз крезез, сюлмаз кырзанэз // *Удмурт дунне*. 2001. 30 март.
- Назарова Е. В.* Удмурт кыл: дышетскон книга (= *Удмуртский язык: учебное пособие*). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. 430 с.
- Соч. – Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотского языка. СПб., 1775. 113 с.
- Пантюхина Т. В.* Эксклюзивное и инклюзивное *мы* в удмуртском языке // *Языковые контакты народов Поволжья X: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики*. Сб. ст. – Ижевск: Изд. центр «Удмуртский университет», 2017. С. 244–250.
- Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 762 с.
- Селивёрстова О. Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
- Тараканов И. В.* К вопросу о грамматических значениях усилительно-личных местоимений в удмуртском языке // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: тезисы*, Ижевск, 22–25 мая 2001 г. Ижевск, 2001. С. 151–152.
- Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.
- ТИК – Турку–Ижевск–Корпус [Эл. ресурс]. Турку, 2002. CD-ROM-диск.
- Удм. Корп. – Корпус удмуртского языка. Сост. М. Медведева, М. Архангельский [Эл. ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/index.php?interface> (Дата обрац.: 25.10.2018).
- УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; под ред. В. М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.
- УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь / Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. 925 с.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 432 с.
- Чуваши 2000 – Чуваши: этническая история и традиционная культура / Авторы-сост.: В. П. Иванов, В. В. Николаев, В. Д. Дмитриев. М.: Изд-во ДИК, 2000. 96 с.
- Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005. 405 S.
- Maksimov S. A., Panina T. I.* On the Category of Clusivity in the Udmurt Language // *Linguistica Uralica*. 2018. Vol. 54, Issue 3. P. 213–224.
- Simon, Horst J.* Only you? Philological investigations into the alleged inclusive–exclusive distinction in the second-person plural // *Clusivity: Typology and case studies of the inclusive–exclusive distinction*. Ed. Elena Filimonova. *Typological Studies in Language* 63. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005, pp. 113–150.
- UdmM – *Kel'makov V., Saarinen S.* Udmurtin murteet. Turku. Izevsk, 1994. 368 s.
- UdmSS – *Maksimov S., Danilov V., Saarinen S.* Udmurtilais-suomalainen sanakirja (Удмурт-финн кылсузъет). Turku, 2008. 664 s.
- UEW 1986–1991 – *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. B. I–III. Budapest. 1986–1991.

Поступила в редакцию 19.07.2019

Максимов Сергей Анатольевич,
кандидат филологических наук, научный сотрудник,
Удмуртский институт истории языка и литературы, УдмФИЦ УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: makser02@yahoo.com

S. A. Maksimov

ON THE PROBLEM OF THE CATEGORY OF CLUSIVITY IN THE UDMURT LANGUAGE

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-390-402

The paper demonstrates the existence of an inclusive-exclusive distinction in the pronominal forms of the Udmurt language which exhibits two forms of plural first person – *ми* and *асьмеос*. The pronoun *ми* ‘we’ is exclusive as it is used when the addressee or addressees are excluded from the set of referents which also contains the speaker, in other words, *ми* ‘we’ = *I + he / she / they*, i. e. ‘speaker and other(s)’. The pronoun *асьмеос* ‘we’ is inclusive, as it is used when the addressee or addressees are included in the group of the speaker, i. e. *асьмеос* ‘we’ = *I + youSG / PL*. The Udmurt language is probably the only language in Europe, which has the opposition of the pronouns of ‘we’ inclusivity and ‘we’ exclusivity. It is noteworthy that an inclusive form has appeared in the Yiddish idiom spoken in Udmurtia under the influence of the Udmurt language.

Keywords: Udmurt language, pronouns, clusivity, inclusive, exclusive, personal pronouns, emphatic personal pronoun, possessive pronoun, Udmurt idiom of Yiddish.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 390–402. In Russian.

REFERENCES

- Abkhazskii yazyk [Abkhaz language]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 25 February 2019). In Russian.
- Az'lan'. Newspaper. April 1, 1925 June 1926. In Udmurt.
- Alatyrev V. I.** Kratkii grammaticheskii ocherk udmurtskogo yazyka [A brief grammatical essay on the Udmurt language]. *Udmurtsko-russkii slovar'* [Udmurt-Russian Dictionary]. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 827–864. In Russian.
- Bor.** – **Borisov T. K.** *Udmurt kylyukam. Tolkovyi udmurtsko-russkii slovar'* [Explanatory Udmurt-Russian dictionary]. Izhevsk: UDGIZ Publ., 1932. 374 p. In Udmurt. In Russian.
- Vladykin V. E., Khristolyubova L. S.** *Etnografiya udmurtov: Uchebnoe posobie*. [Ethnography of the Udmurts: Study Guide]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1991. 160 p. In Russian.
- Gavr.** – **Gavrilov I. G.** *Suzer'es. P'esaos* [Sisters. Plays]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1974. 104 p. In Udmurt.
- GSUYa** – Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Udmurt language: phonetics and morphology]. Ed. P. N. Perevoshchikov. Izhevsk: Udmurt Book Publishing Publ., 1962. 376 p. In Russian.
- Guya Ya.** Morfologiya obsko-ugorskikh yazykov [The morphology of the Ob-Ugric languages]. *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya: Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki*. [Basics of Finno-Ugric linguistics: Mari, Perm and Ugric languages]. – Moscow: Nauka Publ., 1976, pp. 277–332. In Russian.
- Istoriya Udmurtii** – *Istoriya Udmurtii: S drevneishikh vremen do XV v.* [History of Udmurtia: From ancient times to the 15th century]. Ed. M. G. Ivanova. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007. 304 p. In Russian.
- Karpova L. (L.)** *Fonetika i morfologiya srednechepetskogo dialekta udmurtskogo yazyka* [The phonetics and morphology of the Middle Chepts dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. In Russian.
- Karpova L. L.** *Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: Formirovanie i sovremennoe sostoyanie: Dis. doct. filol. nauk* [The dialects of the northern dialect of the Udmurt language: Formation and current state. Doct. filol. sci. diss.]. Izhevsk, 2018. 562 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** K probleme morfemnogo chleneniya udmurtskikh lichnykh mestoimenii [To the problem of morphemic articulation of Udmurt personal pronouns] // *Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Jshkar-Ola, 2005. Pars 2. Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus, pp. 79–81. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Obraztsy udmurtskoi rechi 3: Yuzhnye govory 1: Nauch. izdanie* [Samples of Udmurt speech 3: Southern dialects 1: Scientific edition]. Izhevsk: Udmurtiya, 2015. 424 p. In Udmurt. In Russian.
- Kibrik A. E.** Alyutorskaya kognitivnaya sfera lichnogo deiksisa: morfologo-sintaksicheskaya rekonstruktsiya. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii*

[International Symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and Northern and Central Asia]. Abstracts. Izhevsk, 2001, pp. 107–109. In Russian.

Kozmács I. *Udmurt kyl. Dyshetskon kniga (= Udmurt nyelvkönyv)* [Udmurt Language. Textbook]. Seged – Kechkemet, 1998. 103 p. In Hungarian. In Udmurt.

KratSl. – Nasibullin R. Sh., Maksimov S. A. *Kratkii udmurtsko-russkii, russko-udmurtskii slovar'* [Brief Udmurt-Russian, Russian-Udmurt Dictionary]. Izhevsk: Publishing house of Udmurt university Publ., 1995. 360 p. In Udmurt. In Russian.

KESK – Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [A concise etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar: Komi Book Publishing Publ., 1999. 430 p. In Russian.

LAE 1981 – Lingvisticheskii atlas Evropy. Vtoroi voprosnik [Linguistic Atlas of Europe. The second questionnaire]. Moscow, 1981. 196 p. In Russian.

Lytkin V. I. O drevnetyurkskikh elementakh v leksike permskikh yazykov [On the Ancient Turkic elements in the vocabulary of the Permian languages]. *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniiya*. Vyp. IV [Questions of Finno-Ugric linguistics]. Issue 4. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1967, pp.131–142.

LES – Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ch. ed. V. N. Yartseva. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. – 685 p. In Russian.

Mitrofanov V. Ya. Kiyaz krezez, syulmaz kyrjanez [In his hands a harp in his heart is a song]. *Udmurt dunne* [Udmurt world]. 2001. March 30. In Udmurt.

Nazarova E. V. *Udmurt kyl: dyshetskon kniga (Udmurtskii yazyk: uchebnoe posobie)*. [Udmurt language: study guide]. Izhevsk: Udmurt University Publishing House Publ., 2012. 430 p. In Russian. In Udmurt.

Soch. – Cochineniya prinadlezhashchiya k grammatike votskago yazyka [Writings belonging to the grammar of the Votyak language]. St. Petersburg, 1775. 113 p. In Russian.

Pantuykhina T. V. Eksklyuzivnoe i inklyuzivnoe *my* v udmurtskom yazyke [Exclusive and inclusive *we* in the Udmurt language]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya X: aktual'nye problemy normativnoi i istoricheskoi fonetiki, grammatiki, leksikologii i stilistiki* [Language contacts of the peoples of the Volga region X: actual problems of normative and historical phonetics, grammar, lexicology and stylistics]. Digest of articles. Izhevsk: Ed. Center "Udmurt University", 2017, pp. 244–250. In Russian.

Plungyan V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of world languages]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011. 762 p. In Russian.

Seliverstova O. N. *Mestoimeniya v yazyke i rechi* [Pronouns in Language and Speech]. Moscow: Nauka, Publ., 1988. 151 p. In Russian.

Tarakanov I. V. K voprosu o grammaticheskikh znacheniyakh usilitel'no-lichnykh mestoimenii v udmurtskom yazyke [On the question of the grammatical meanings of empowering personal pronouns in the Udmurt language]. *Mezhdunarodnyi simpozium po deikticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoi i Tsentral'noi Azii* [International Symposium on deictic systems and quantification in the languages of Europe and Northern and Central Asia]. Abstracts. Izhevsk, 2001, pp. 151–152. In Russian.

Teplyashina T. I. *Yazyk besermyan* [Language of the Besermyan]. Moscow: Nauka. Publ., 1970. 288 p. In Russian.

TIK – Turku–Izhevsk–Korpus [El. resource]. Turku, 2002. CD-ROM. In Udmurt.

UdmKorp. – Korpus udmurtskogo yazyka [The case of the Udmurt language]. Comp. M. Medvedeva, M. Arkhangelsky [El. resource]. URL: <http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/index.php?interface> (accessed 25 October 2018). In Udmurt.

URS 1983 – Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / Comp. A. S. Belov, V. M. Vakhrushev, N. A. Skobelev, T. I. Teplyashina; Ed. V. M. Vakhrushev. Moscow: Russkii yazyk, 1983. 592 p. In Udmurt. In Russian.

URS 2008 – Udmurtsko-russkii slovar' [Udmurt-Russian Dictionary] / Comp. T. R. Dushenkova, A. Egorov, L. M. Ivshin, and others; Ed. L. E. Kirillova. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2008. 925 p. In Udmurt. In Russian.

Khaidu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic languages and peoples]. Moscow: Progress, 1985. 432 p. In Russian.

Chuvashi 2000 – Chuvashi: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura [Chuvashes: ethnic history and traditional culture] / Authors-comp.: V. P. Ivanov, V. V. Nikolaev, V. D. Dmitriev. Moscow: DIK Publishing House, 2000. 96 p. In Russian.

Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest, 2005. 405 S. In German.

Maksimov S. A., Panina T. I. On the Category of Clusivity in the Udmurt Language. *Linguistica Uralica*, 2018, vol. 54, issue 3, pp. 213–224. In English.

Simon, Horst J. Only *you*? Philological investigations into the alleged inclusive–exclusive distinction in the second-person plural. *Clusivity: Typology and case studies of the inclusive–exclusive distinction*. Ed. Elena Filimonova. Typological Studies in Language 63. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company Publ., 2005, pp. 113–150. In English.

UdmM – Kel'makov V., Saarinen S. *Udmurtin murteet* [Udmurt dialects]. Turku – Izevsk, 1994. 368 p. In Finnish.

UdmSS – Maksimov S., Danilov. V., Saarinen S. Udmurtilais-suomalainen sanakirja (Удмурт-финн кыл-сузъет) [Udmurt-Finnish dictionary]. Turku, 2008. 664 s. In Udmurt. In Finnish.

UEW– Rédei K. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. B. I–III. Budapest, 1986–1991. In German.

Received 19.07.2019

Maksimov Sergey Anatolyevich,
Candidate of Philology, Research Associate
Udmurt Institute of History, Language and Literature, UdmFRC UB RAS
Lomonosova st., 4, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: makser02@yahoo.com